

Казалось, что в следующую секунду Цинь Юй разгадает его мысли и вмешается, чтобы сгладить углы. Работая как смазка, он искусно регулировал отношения между ним и окружающими, смягчал ледяную атмосферу, а затем говорил ему несколько добрых слов и немного кокетничал — приём, позволявший сохранить лицо и достойно выйти из положения.

Семь лет, две тысячи пятьсот с лишним дней и ночей — он давно привык к такому формату общения, поэтому почти беспечно продолжил в том же духе.

Он забыл, что сейчас Цинь Юй, вероятно, никак не отреагирует на его капризы.

Ещё одного пациента привезли в реанимацию, а родственников оставили за дверью, в зоне ожидания. На мгновение воздух наполнился разговорами, всхлипываниями и словами утешения.

В шумной обстановке Ши Чу медленно выдохнул и снова повернулся к Чжао Ианю:

— Я купил и тебе, съешь немного, иначе проголодаешься.

На самом деле, будет ли Чжао Иань есть или нет, голоден он или нет, не имело к нему никакого отношения, и он совершенно не беспокоился об этом. Но в данный момент Чжао Иань находился ближе к Цинь Юю, и он не хотел, чтобы и без того натянутая атмосфера стала ещё холоднее из-за него.

После этих слов Цинь Юй наконец пошевелился, переведя взгляд с документов в руках на лицо Ши Чу, а затем на еду, и сказал Чжао Ианю:

— Перекуси, вечером ничего другого не будет.

Чжао Иань бросил взгляд на Ши Чу — тот улыбался ему, но улыбка была едва заметной, не достигающей глаз.

В больнице было тепло, даже в одном свитере, но в этот момент Чжао Иань почувствовал необъяснимый озноб.

На работе Цинь Юй был его начальником, но в личной жизни они оставались друзьями, которые вместе играли в баскетбол ещё со времён университета. Как друг и как тот, кто всегда убеждал Цинь Юя расстаться, он твёрдо придерживался своих принципов, упрямо заявив:

— Не буду.

Ши Чу кивнул:

— Хорошо, тогда ты съешь немного.

Когда Чжао Иань осознал, что вторая часть фразы относилась к Цинь Юю, Ши Чу уже отошёл. В зоне ожидания становилось всё больше людей, и немногие свободные места были заняты. Он нашёл свободный угол, достал из рюкзака стопку литературы и начал читать.

Чжао Иань отвёл взгляд и толкнул Цинь Юя в плечо:

— Слушай, зачем ты за него вступаешься? Вы же расстались, братан. Жалеть тут нечего.

— Я просто говорю как есть, — Цинь Юй открыл пакет, достал одноразовые палочки и разломил их. — Позже еду не купишь, так что не проси потом.

Чжао Иань уверенно заявил:

— Сказал не буду, значит не буду! А ты... вы же расстались, почему он всё ещё здесь? Не говори мне, что ты передумал. Сколько лет можно тянуть? Тебе не надоело? Я бы на твоём месте не бегал за ним, как собака, а ты... с такими данными, если бы захотел, очередь из желающих тянулась бы до самого Северного полюса, а ты выбрал такого... Ты мазохист?

— Если не ешь, заткнись и работай, — Цинь Юй, не выдержав, швырнул в него кипу документов. Пока тот суетливо пытался их поймать, он добавил:

— Я не передумал, у меня нет мазохистских наклонностей, хватит об этом говорить.

Хотя он так и сказал, когда Чжао Иань замолчал, он всё же невольно посмотрел в тот угол — там стоял Ши Чу, внимательно читая стопку бумаг. В толпе он обладал очень своеобразной аурой.

Сказать, что он был холодным, казалось перебором, сказать, что он был неприступным — тоже не совсем точно. Если бы кто-то подошёл к нему заговорить, Цинь Юй мог представить его вежливую, официальную улыбку, вид человека, внимательно слушающего и дающего уместные ответы. Но если бы спросить его, о чём только что шла речь, он бы незаметно перевёл тему — очевидно, что он не утруждал себя запоминанием того, что его не интересовало: выслушал и забыл.

На первый взгляд, он ничем не отличался от других, идеально вписываясь в толпу. Но если присмотреться, можно было заметить, что между ним и всеми остальными словно существовала невидимая преграда.

Не говоря уже о других вещах, одна эта аура действительно привлекала.

Цинь Юй знал Ши Чу гораздо дольше, чем с того баскетбольного матча, который их познакомил. Ещё до того, как Ши Чу заметил его, он начал специально выбирать маршруты, где их встреча была бы наиболее вероятной. Разговаривая и шутя с однокурсниками по дороге на занятия или перебрасывая мяч на площадке, он невольно искал взглядом Ши Чу.

В Ши Чу он не видел той суетливости и самонадеянности, которые были присущи большинству парней его возраста, но также не замечал и той энергии и энтузиазма, которые должны были быть в этом возрасте.

В отличие от Ши Чу, он был типичным университетским парнем. Например, увидев, как человек, который ему нравился, проходит мимо площадки с фотоаппаратом, он специально просил передать ему мяч, чтобы сделать бросок в самой эффектной позе.

Сейчас это казалось немного детским, но тогда он не так уж много задумывался, просто делал то, что хотел.

Позже он стал менее прямолинейным. Он давно знал о своей ориентации, но никогда не встречал того, кто бы ему понравился. Ши Чу стал первым. Поэтому он отнёсся к нему с самой искренней добротой и максимальной страстью, но, похоже, тому это было не по душе.

Только на третий год их отношений Цинь Юй с опозданием начал понимать закономерность — Ши Чу, казалось, не любил, когда он был слишком навязчив, и не привык к его прямому выражению чувств. В такие моменты Ши Чу находил всевозможные причины и предлоги, чтобы отдалиться.

Он всегда считал, что это было связано с характером, и хотел, чтобы тот открылся. Он не давил на Ши Чу, а начал с себя, рассказывая о всех своих делах без утайки. Если Ши Чу хотел знать, он не мог придумать, что мог бы скрыть. Но Ши Чу был другим. За всё это время он знал лишь то, что родители того развелись, и он жил с матерью.

Почему они развелись, каким был его отец... обо всём, что касалось его семьи и прошлого, Ши Чу никогда не рассказывал, а когда он пытался спросить, наталкивался на выражение обиды.

На самом деле, ему не обязательно было знать, каким был Ши Чу раньше — он действительно хотел понять, но также осознавал, что некоторые вещи тот, вероятно, не хотел обсуждать. Если бы он был уверен в их отношениях, это были бы мелочи. Но проблема как раз заключалась в том, что он никогда не видел доверия в своём партнёре, поэтому ещё больше стремился доказать его чувства.

Но, похоже, он только усугублял ситуацию.

На поздних этапах отношений всё сильнее возникало ощущение, что они с самого начала шли разными путями, и даже если иногда их дороги пересекались, они всё равно расходились.

Кто-то подошёл к Ши Чу и что-то сказал, он достал из рюкзака несколько листов бумаги и передал тому. Человек отошёл на несколько шагов и сел на пол, подложив бумаги под себя.

Ши Чу, прерванный просьбой о бумаге, уже не мог сосредоточиться на чтении. Он посмотрел в ту сторону — Цинь Юй ещё не отвёл взгляд, и их взгляды встретились в воздухе. Ши Чу быстро и поспешно опустил глаза.

Цинь Юй тоже очнулся от своих мыслей и повернулся к Чжао Ианю:

— Как там с документами? Есть идеи?

Чжао Иань ничего не ответил, уставившись в одну точку, будто задумавшись.

Цинь Юй вздохнул, вероятно, время было позднее, да и в больничной обстановке каждый становился немного сентиментальным.

Он уже хотел отвернуться, оставив спутника в покое, как вдруг тот издал звук, втягивая носом воздух, и сказал:

— Брат Цинь, это действительно так вкусно. Ну дай мне хоть кусочек.

Телефон Ши Чу издал сигнал — Цинь Юй снова перевёл ему деньги, используя Alipay, напрямую на счёт. Видимо, увидев, что он не принял перевод через WeChat, сменил способ.

В этот момент воздух, который он вдыхал, показался ему холоднее на несколько градусов. Раньше он не замечал, что вежливость может быть такой болезненной.

Раз уж телефон оказался в руках, а читать литературу не получалось, Ши Чу начал отправлять сообщения.

Сначала он ответил на несколько вопросов, которые задал ему научный руководитель днём, затем отправил соседке Ши Цзин денежный перевод, попросив её присматривать за ней и сообщать, если что-то случится.

Соседка была доброжелательной и охотно согласилась — конечно, получив достаточное

вознаграждение, ведь никто не обязан заботиться о человеке, с которым нет родственных связей.

<http://bllate.org/book/16893/1566484>